

УДК 930.1:1: 316.7

Аристов Р.В.¹

ПРИЧИНЫ, ХАРАКТЕР, СУЩНОСТЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИОСОФИИ И ИСТОРИОГРАФИИ

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России

Aristov R.V.

REASONS, CHARACTER, ESSENCE AND CONSEQUENCES OF THE LIVONIAN WAR IN HISTORY, IOSOPHY AND HISTORIOGRAPHY

Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of
Russia

Аннотация: Ливонская война чаще всего оценивается историками с высоты исторического пути. Сопричастны к этому дискурсу историко-политические трактовки разных государств и историков. Этому событию придается большое значение для судеб государств, имевших отношение к конфликту. Историческое событие имело значительную протяженность во времени, было связано с политической картой Европы в канун нового времени. По сути, война начиналась как явление средневековой общественной реальности, а заканчивалось в Новом времени. К опыту этой войны потомки народов будут прикасаться, обосновывая свои территориально политические притязания. Результат и оценка войны в ретроспективе истории оказались более значимыми для потомков, чем для ее зачинщиков и современников. Обсуждение событий, произошедших почти полтысячелетия назад, имеет и сегодня политический и идеологический окрас. Статья посвящена проблеме достоверности в трактовках истории и этике истории.

Ключевые слова: Ливонская война, этика истории, идеология, Иван Грозный, историография, социальное восприятие; причины войны, историософия.

Abstract: The Livonian War is most often assessed by historians from the height of the historical path. In the dispute, the historical and political interpretations of different states and historians. Great importance is attached to this event for the fate of the states involved in the conflict. The historical event had a significant length in time, was associated with the political map of Europe on the eve of the New Time. This war began as a phenomenon of medieval social reality, and ended in modern times. The descendants began to touch the experience of this war to substantiate their

---

¹ Аристов Роман Викторович, канд. филос. наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России

claims. Therefore, the result and assessment of the war in retrospect of history turned out to be more significant for posterity than for its founders. Discussion of long-standing events also has a political and ideological flavor today. The article is devoted to the problem of reliability in the interpretation of the ethics of history.

Keywords: Livonian War, ethics of history, ideology, Ivan IV, historiography, social perception; causes of war, historiosophy.

Осмысление значимых событий в истории, либо придание им значимости, либо умаление их значения, это плод интеллектуальной деятельности ученого. Как известно, мышление подчиняется определенным законам, значительную часть из которых занимают не только законы логики, но и особенности психологического прочтения информации с дальнейшей индивидуальной интерпретацией. Зачастую не столько исторический анализ, сколько синтетическая деятельность историка связана с умозаключениями по поводу значения того или иного исторического события. Ученый определяет круг посылок, производит отбор фактов, и составляет набор суждений, воплощающийся в доказанный им вывод. Особенность ремесла историка состоит в том, что любой фактический материал оценивается им эмоционально-эмпирически, в ценностной ретроспективе задач исторической науки объяснить исторические закономерности общественного развития. Поиск причинно-следственных связей в исторической профессии всегда имеет авторскую позицию и зачастую вступает в полемику со взглядами противоположными.

Такой раздел исторической науки как историография призван изучить не только историю самой исторической науки, но и представить срез совокупности работ по теме или эпохи в идеологически-концептуальном ключе. Потенциал историографии позволяет увидеть картину событий с точки зрения разных полярных взглядов, тем самым приблизиться к истине. Этот метод один из действенных с точки зрения методологии науки. Критика полярных взглядов историками ставит под сомнение не столько факты, сколько трактовку логических доказательств и причинно-следственных концепций. Примечательной демонстрацией научного поиска является рассмотрение темы связанной с причинами, ролью и значением Ливонской войны в отечественной науке. Тема Ливонской войны с одной стороны считается малоизученной, с другой стороны споры и исследования о природе этих войн продолжаются на страницах современных научных журналов в острой полемике.

В сознании обывателя Ливонская война, времен Ивана Грозного отражается как один из неудачных этапов «прорубания окна в Европу». Ретроспективно Ливония являлась приемником Крестоносцев, организовавших «Drang nach Osten». Ливонская война это некий от-

вет, агрессивной политике захватчиков, своего рода «Reconquista». Явление геополитически положительное, но бывшее преждевременным, и завершённое только Петром Великим. Стараниями Петра I и последовавших монархов, границы были расширены, и Россия получила «исконные» земли славян, остановившись у границ германцев (потомков готов). Таким образом, в концепции Российской Империи, историческая справедливость была восстановлена. СССР де факто стал наследником континентальной империи и в историко-идеологическом конфликте противостоял модели фашистской Германии, реставрировавшей идею «Drang nach Osten» в концепции расширения жизненного пространства. Именно на этом этапе историки [1], «дети» своих государственно-политических систем, явили позитивистские примеры славного исторического прошлого, обосновывая им собственную справедливость нового конфликта. Этот яркий пример демонстрирует, как история преломляется, «учит потомков», выступая оправдателем нравственных установок, пестователем воинственных традиций в целях реализации конкретных гегемонистских планов. В трудах советских историков [4, с. 5-7] Ливонская война предстаёт чуть ли не доминирующим событием жизни Московского царства в XVI в. «Борьба за Ливонию стала рассматриваться как неудачная попытка предвосхитить великие деяния первого российского императора». [8, с.4] Для историков середины XX века кроме марксистского подхода характерно проведение параллелей в битвах за присоединение Балтики и разгрома фашизма в годы Великой Отечественной войны.

Современные историки тяготеют к осмыслению Ливонской войны в контексте иных военных событий периода Ивана Грозного. Ливонская война мыслится как явление, которому не придавалось большого значения Московией. Нетрудно заметить, указывает В.В. Пенской, что на первых порах, судя по количеству брошенных в дело войск (фактически Иван Грозный вел войну здесь даже не вполсилы - используя главным образом «силу псковскую и новгородскую», лишь изредка усиливая ее ратными людьми «замосковных городов» и московскими стрельцами) и характерной тактике, русский царь отнюдь не преследовал далеко идущих целей. [6, с. 40-41] «Для Ивана Грозного первостепенным был конфликт с Крымским ханством и с Великим княжеством Литовским, а ливонское направление находилось на периферии внешней политики Москвы, как следствие, ливонская проблема решалась по остаточному принципу». [7, с. 41] Историки доказывают, что это была цепь не всегда связанных четкой целью «войн за Ливонское наследство». Конфликт в Ливонии был частью так называемых «Балтийских войн» 1555–1595 гг. [9, с. 93-94] Александр Филюшкин повествуя о вкладе российской науки последних 20 лет в суть рассматриваемого вопроса указывает на две тенденции. Первая пост классическая национальная «историей героев» посвящена пол-

ководцам Ливонской войны, (исследования Д.М. Володихина, В.В. Пенского, А.Л. Корзинина). Б.Н. Флоря рассматривает характер войны через контекст отношения общества к войне.

Вторая тенденция историографии последних лет – либеральный дискурс в изображении Ливонской войны как войны агрессивной, бездарной, позорной, ненужной России, «чёрной странице» её истории. (А.Л. Хорошкевич, А.А. Шапран. А.Л.) [11, 12.] В любом случае, при всех идеологических «перегибах» национальных историографий, они, несомненно, играют позитивную роль в том плане, что делают невозможной какую-то одну оптику взгляда на Ливонскую войну. Теперь нельзя писать её историю с польскоцентричных или россицентричных позиций, как «историю героев» или «историю злодеяний Ивана Грозного». Как ни парадоксально, именно благодаря развитию национальных историографий сегодня мы можем подняться над ними и сделать шаг к написанию наднациональной, т.е. максимально приближённой к объективности истории Ливонской войны. [8, с.16]

Другой интересной позицией в современной историографии стал концепция «войны по линии разлома между двумя различными цивилизациями». [5, с. 145] Эта концепция развивается на теории С. Хантингтона. Н.В. Мысин считает, что Западноевропейская и Восточноевропейская цивилизации вступили в конфликт за статус-кво, с определенными чертами ведения войны, иллюстрирующими состоятельность мнения. Так называемая Ливонская война действительно обладала всеми особенностями войн по линиям разлома: религиозным оправданием; стремление участников расширить войну в геополитическом плане участников либо сторонников; затянутый характер, который невозможно решить путем компромиссов; война пульсирующая, с очагами вспышек и затишьями; война между людьми различных видов культурной идентификации. По мнению исследователя, это некое продолжение войны, которую Империя Запада вела еще с империей Востока – Византией.

Данные черты действительно выражены. Безусловно, культурно-религиозное расхождение Руси и Речи Посполитой усматривается. Но тип аксиологической и нравственной презентации Великого княжества Литовского будет гетерогенным в рассмотрении «осколков Золотой Орды». Литовская Русь еще не потеряла культурную морфологию. Затянутый и пульсирующий характер войны объясняется невозможностью или неготовностью удерживать земли, размытыми и неясными целями конфликта, спецификой архаичных дипломатических отношений и куртуазностью права войны и мира. Война Речи Посполитой и Москвы как цивилизационное противостояние проявится столетием позднее, во времена Нового времени, где национальное, религиозное самосознание станет катализатором процессов битвы за мать городов русских Киев. Войны за Ливонское наследство только выявили участни-

ков будущего конфликта по линии разлома между двумя различными цивилизациями. Смута, интервенция, русско-польские войны, это этапы данного противостояния.

Концепция Н.В. Мысина критикуема за излишнее стремление представить события Ливонской войны как некий мировой заговор капитализма. Где «главный вопрос этой войны был не геополитический и не геокультурный: это был выигрыш Исторического Времени как ключевого ресурса, необходимого Западной Европе, чтобы без помех завершить «первоначальное расширение» своего «мира-экономики», т.е. обеспечить возможность капиталистической системе приобрести мировой характер». Автор концепции убежден, что главнейшей задачей войны со стороны Запада было «задержать подъем России и обеспечить победу Запада в этой схватке цивилизаций. Выиграть время – означало выиграть все. Этим объясняется, в частности, стратегия на истощение сил Литвы и России и намеренное затягивание войны до решительного перелома 1578–1579 гг., когда в действие были введены польские силы с привлечением дополнительных военных резервов из Центральной и Восточной Европы. Подобное утверждение столь фантастично, а нарождённый капитализм представлен, как некий целеполагающий организм, с готовой повесткой уничтожения православного мира, что сравнение военного явления наёмничества со стратегическими резервами не вытерпит критики от историков исследователей военного искусства. Тем не менее, иллюстрация подобной концепции, авторского видения сущности Ливонской войны как раз и демонстрирует типичные заблуждения, связанные с личными и социальными переживаниями настоящего в прошлом.

Интересна тенденция к рассмотрению Ливонской войны белорусскими историками. Белорусская историография Ливонской войны являет собой особый феномен эмоциональных интерпретаций с перенесением переживаний настоящего в прошлое. «Ливонская война оказалась важным звеном белорусского национального дискурса. Она изображается как оккупация белорусских земель (Полоцк в 1563 г.), как трагедия страны, на территории которой шла война. Для этого дискурса характерен комплекс жертвы». [8, с.13]

На мой взгляд, современной исторической науке недостает феноменологического подхода в оценке рассматриваемых исторических событий. История требует культурологической реконструкции. Следовало бы больше задаваться такими вопросами: что по настоящему хотел Иван Грозный от развития событий на Западе? Как раскрывается личность царя в ретроспективе этих войн? Какие психологические и нравственные переживания меняли его воззрения на цели, средства затянувшегося конфликта? Каково отношение в позднем средневековье и начале нового времени к ведению войны, к принципам справедливости? Проявилась ли дипломатия «куртуазных войн» [3, с.305-308] в этих событиях, или

это была война на уничтожение? Как оценивали эту войну сословия стран участниц конфликта? Подобные вопросы позволили бы точнее понять суть событий и подлинные, порой очень мелочные цели Ливонской войны. При феноменологическом прочтении фактов, последствия войны представляются не глобальными планами по гегемонии, а новыми обстоятельствами, ставшими основаниями для воплощения вновь открывшихся возможностей. Например, образование Речи Посполитой, с перспективами уже на Московское наследство.

События были и прошли, они неизменны, а вот оценки этих событий имеют свойство меняться. В связи с вновь открывшимися фактами, или оцениваются через призму ценностей потомков. События представляются иначе при новом состоянии идеологически-политизированного общества. Оценка событий может быть остро противоположной в оценке обывателей разных стран. Историография Прибалтики, России, Польши, Белоруссии, Украины, Швеции и Дании по вопросам этой войны отличается плюрализмом. Трактовка истории будет зависеть не от знания реальных фактов, а от эмпирического подачи материала. Когда читатель, встраивая себя в прошлое, неминуемо окрашивает событие относительно психологического принятия и современного социального восприятия. Одним словом, подобного рода популяризация истории, через уподобление человека и общества прошлого современным поведенческим и ценностным типам ведет к искажению подлинной истории, а саму историческую науку делает служанкой идеологий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахрушин С.В. Разгром Ливонского Ордена в Прибалтике (XVI век). – Ташкент: Госиздат УзССР, 1942.
2. Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. -М., 1982;
3. Контамин Ф. Война в Средние века / прд ред. Ю.П. Малинина. –СПб: Ювента, 2001.
4. Королюк В.Д. Ливонская война: Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954.
5. Мысин Н.В. «Война по линии разлома» – Истоки и смысл Ливонской войны. // Клио, N. 2(45), - с. 129-137; 3(46) /2009, -СПб. - с. 143 - 152
6. Пенской В.В. Какую войну проиграл Грозный? (Была ли Ливонская война главной войной Ивана Васильевича?) // Петербургские славянские и балканские исследования 2014, № 1. Январь—Июнь. – с. 38-46.
7. Пенской В.В. Случайная война... (Ливонская война и внешняя политика Ивана Грозного). // Tractus Aevorum 4 (1). Весна 2017: - с. 41–68.

8. Филюшкин А.И. Как изучать Ливонскую войну? (историографические заметки) // Российская история. (РАН) Выпуск 4, 2015 - с. 3-17.
9. Филюшкин А.И. Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // Балтийский вопрос в конце XV – XVI вв. М., 2010.- с. 80-93.
10. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М: «Наука», 1978.
11. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
12. Шапран А.А. Ливонская война 1558–1583 гг. - Екатеринбург, 2009.

REFERENCES (transliteration)

1. Bakhrushin S.V. Razгром Livonskogo Ordena v Pribaltike (XVI vek). – Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1942.
2. Zimin A.A., Khoroshkevich A.L. Rossiia vremeni Ivana Groznogo. -M., 1982;
3. Kontamin F. Voina v Srednie veka / prd red. Iu.P. Malinina. –SPb: Iuventa, 2001.
4. Koroliuk V.D. Livonskaia voina: Iz istorii vneshnei politiki Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva vo vtoroi polovine XVI v. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1954.
5. Mysin N.V. "Voina po linii razloma' – Istoki i smysl Livonskoi voiny. // Klio, N. 2(45), - s. 129-137; 3(46) /2009, -SPb. - s. 143 - 152
6. Penskoï V.V. Kakuiu voinu proigral Groznyi? (Byla li Livonskaia voina glavnoi voinoi Ivana Vasil'evicha?) // Peterburgskie slavianskie i balkanskije issledovaniia 2014, № 1. Ianvar'— Iiun'. – s. 38-46.
7. Penskoï V.V. Sluchainaia voina... (Livonskaia voina i vneshniaia politika Ivana Groznogo). // Tractus Aevorum 4 (1). Vesna 2017: - s. 41–68.
8. Filiushkin A.I. Kak izuchat' Livonskuiu voinu? (istoriograficheskie zametki) // Rossiiskaia istoriia. (РАН) Vypusk 4, 2015 - s. 3-17.
9. Filiushkin A.I. Livonskaia voina ili Baltiiskie voiny? K voprosu o periodizatsii Livonskoi voiny // Baltiiskii vopros v kontse XV – XVI vv. M., 2010.- s. 80-93.
10. Floria B.N. Russko-pol'skie otnosheniia i politicheskoe razvitie Vostochnoi Evropy vo vtoroi polovine XVI –nachale XVII v. M: "Nauka", 1978.
11. Khoroshkevich A.L. Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii serediny XVI veka. M., 2003.

Рецензент: Шалашников Г.В., канд. филос. наук, заместитель заведующего кафедрой философии, истории и теории государства и права АНО ВО МПА ВПА.